Глава 216: Как-то несерьезно

Чэнь Жун лениво наклонился и прислонился своим лицом к его.

Он не утешал его, да и не мог утешить, чувствуя тепло его лица и слушая его печальный вздох.

— А Жун, — позвал мужчина, обнимая за талию. Его поцелуи падали на его лицо, и он произнес, — Я не хочу отпускать тебя, — его голос звучал одновременно нежно и по-детски капризно.

Чэнь Жун в его объятиях лежал совершенно неподвижно. Его сердце наполнилось нежностью, потому что он первый, к кому он пришел после того, как заболел, и потому что он упрямо повторял, что не может его отпустить.

Чэнь Жун мог это понять.Жань Минь был почти демоном. А тот избрал его своей омегой. Многое в поведении генерала из прошлой жизни стало понятно в этой, с учетом его природы, о которой А Жунь в прошлой жизни ничего не знала. Но некоторые моменты он не хотел бы повторить. Он действительно едва не повторил своей ошибки с браком, но вовремя А Вэй сдернула с него ненужные фантазии. Конечно, как спутник-супруг он подходил генералу и возможно, в походах у него не было бы конкуренток. Но вот в мирной жизни неминуемо, что генерал вновь заведет гарем.

Генерал ни разу не политик и ему наверняка с его планами и в этой жизни будут нужны связи, а значит, будут браки по расчету. И будут девицы, навязавшиеся тем же способом что и А Вэй. А значит гаремные склоки и соперничество. Он не конкурен всем этим девицам с поддержкой сильных родов. Так что — нет. Никакого брака.

То положение, что он выбрал для себя, более чем удачно. Он свободен, вполне способен себя содержать, у него интересное дело, вперед на много лет. Он добьется известности и будет совершенствоваться как маг. Он может встречаться с интересными ему мужчинами и так, на добровольной основе. Выбирая себе партнеров из любых заинтересовавших его лиц.

Это будучи несовершеннолетним подневольным роду Чэнь он должен был бдительно охранять свое имя, иначе при его утрате был риск стать проданным в чей-то гарем или бордель… и охранять свои тайны одаренности, чтобы опять же не быть проданным или использованным в качестве производителя для евгеники клана. Или своего, или даже более вероятно, для чужого.

Но теперь он свободен и его связи с кланом Чэнь разорваны. Никто не может диктовать волю жрецу Неба. Ну разве что к императору придется прислушиваться. Некоторое время. Возможно, он сможет продвинуть на это место Жань Миня, для империи это было бы неплохо. Жань Минь честный человек. Плохо, что не политик, но хороший командир. И в некотором уме ему не откажешь. За его широкой спиной, подкрепленной армией, на маленького жреца Сишань никто и дунуть не посмеет. Хм…

Решено. Если маг выкарабкается, а в этом Чэнь Жун не сомневался уже, он сделает пару предсказаний. Почему бы и нет? Он может использовать демонова Небесного Принца Жань в своих целях.

Жань Минь позволял ему почувствовать свою заботу, и для него этого на данное время было более чем достаточно.

Пока они обнимались, Чэнь Жун еще раз ощупал его лоб.

— Жань Минь, у тебя больше нет жара! — от радости его глаза округлились. Опасаясь, что он может ему не поверить, он подчеркнул, — Это правда! Почувствуй сам.

— Слышал, что если нет ни лихорадки, ни озноба, то худшее позади, — улыбнулся он.

— Верно, я также слышал, что до тех пор, пока температура твоего тела сегодняшним вечером не будет колебаться, тебе нечего будет опасаться, — согласился он, покивав. — Если состояние останется стабильным в течение следующих трех дней, все наладится, — затем он выдержал паузу и спросил, — Жань Минь, под утро будет холодно. Может, нам разжечь жаровню?

Закрыв глаза, мужчина просто издал низкий звук.

Получив такой ответ, Чэнь Жун лег рядом с ним, пощупав его лоб и пристально на него посмотрел.

Ощущение разницы в температуре их тел и одинаковый ритм дыхания, давало прекрасное чувство.

— Это похоже на ту ночь , когда мы убегали от Сянбэй, — сказал он ему со смешком.

Генерал и сам не раз вспоминал ту ночь. Тогда юноша открылся ему с очень неожиданной стороны. Оставленные им боевые зелья обеспечили пару побед, пока не кончились. Только ради этого омегу стоило бы прибрать. А ведь еще существовала заимствованная магия, флер и еще много чего милого сердцу рэнне(альфы). Серьезная выгода, а теперь еще и тайны Сишань. Благодаря магии монастыря он смог принять демоническую форму дракона.

— ЖаньМинь, я думал, что такого больше не будет, — поднявшись сказал он, и посмотрел на него с широкой улыбкой

Генерал открыл глаза.

Некоторое время он разглядывал омегу, затем закрыл глаза и устало сказал:

— Почему ты вообще говоришь это, А Жун? Мы вполне можем быть вместе, ты просто не хочешь. Так зачем же говорить нечто подобное?

Сказав это, он надулся и, отвернувшись, начал его игнорировать.

Чэнь Жун обнял его за талию.

Он оттолкнул его руку.

Женя попробовал еще раз.

Он оттолкнул его руку снова.

— МиньМинь, когда ты болен, то совсем как дитя, — пробормотал он со смехом, продолжая его обнимать.

Генерал хрипло хмыкнул, буквально под внутренний страждущее радостный рев демона-симбионта, и все-таки позволил ему себя обнять.

Он уткнулся лицом в его спину, вдыхая принадлежавший ему запах, и хихикнул:

— Ты даже не представляешь, как я счастлив в этот самый момент.

Хотя он признавался в своем счастье, его голос опускался все ниже и ниже.

Уловив вздох омеги, генерал повернулся и заключил его в объятия.

— А Жун, — прошептал он, гладя его волосы, — Жизнь так коротка, почему ты должен быть именно таким? Почему все должно быть именно так?

— Расслабь руки, ты меня задушишь, — покачав головой, со смешком сказал он.

С самого начала их сегодняшней встречи, его смех звучал ярко и чисто, будто исходя от самого сердца даннэ. Каждая проходящая секунда была еще одной потерянной, но он так весело смеялся.

Жань Минь уставился на его чернильные волосы и наконец закрыл глаза.

В объятиях друг друга они продолжали говорить ни о чем до самого восхода.

В течение следующего часа у Жань Миня больше не имелось ни лихорадки, ни озноба, что придало Чэнь Жуну уверенность, так желаемую им. Возможности бессмертного сработали, но может и лекарство помогло ускорить процесс.

Как только наступила следующая ночь, он помог ему вернуться в храм.

Как только они прибыли, Матушка Пин и Ин'гу поспешили к ним. Увидев, что мужчина идет, в обычной уверенной манере, они обе остановились. Матушка Пин хотела что-то сказать, но другая служанка ее остановила.

Они вернулись в покои Чэнь Жуна. Там юноша мог серьезно заняться лечением мужчины, не опасаясь, что тот заметит пользование скрытым пространством.

Когда сгустилась ночь, темно-красный фонарь за перегородкой комнаты окутывал водяной пар. В этот момент Чэнь Жун стоял к нему спиной, его лицо слегка светилось румянцем и флером.

— Цинцин, — послышался хриплый голос генерала сквозь плеск воды. Он загнал мужчину в лечебную ванну, после нескольких серьезных зелий.

— Что такое?

— Я не могу дотянуться до своей спины.

— Ты будешь в порядке и без мытья спины в течение одного дня, — еще сильнее покраснел Чэнь Жун. Для него и раздевание мужчины оказалось неожиданно испытанием. Память внезапно всколыхнулась подбрасывая интимные сценки прошлой жизни.

— В прошлом, когда мы бывали близки… — Начал было Жань Минь.

Чэнь Жун чуть не подпрыгнул от этих слов. Ведь генерал не прочитал его мысли?

— Прекрати! Это случилось лишь однажды, а не несколько раз, — огрызнулся Чэнь Жун, мучительно краснея.

— В то время, когда ты гостила в моем лагере, мне было так тяжело, и я страдал… так тяжело, цинцин, — в голосе мужчины послышались печальные нотки.

— Перестань бездельничать, вода скоро остынет, — без тени юмора сказал он ему.

— У меня в груди зудит, — пробормотал тот.

— Может, мне позвать Ин'гу? — поджав губы, спросил Чэнь Жун. ИнГу отвечала за массаж в храме и если не делала его сама то назначала девушек кто мог его выполнить. Порой массаж завершался закономерно… и такое не осуждалось. Это храм Бисе, и ему угодно проявление плотских желаний..

— Нет, — проворчал генерал капризно, — Мне нужен только мой Цинцин.

— Т-ты болен. Тебе нельзя этого делать.

Жань Миня похоже это шокировало. Он начал жаловаться, что его неправильно поняли.

— Ты неправильно меня понял, Цинцин. У меня просто зудит в груди, вот и все.

В этот момент он прикрыл рот рукой и весело спросил:

— Неужели, Цинцин думает об этом?

— Прекрати нести чушь! — воскликнул он. Затем помолчав, напомнил, — Вода действительно остынет.

Генерал окунул лицо в воду и произнес, будто из-под воды:

— Мне бы хотелось, чтобы ты обращалась со мной так же, как в тот день.

Естественно он имел в виду день, когда он спас его в степи.

В тот день Чэнь Жун был брошен им же встепи и ему пришлось пешком догонять армию.

— Я не помню произошедшего, — терпеливо ответил он ему вновь.

— Лгун! — обвиняюще воскликнул мужчина, оторвавшись от созерцания воды.

Тон его голоса заставил Чэнь Жуна вспомнить его решительное лицо, чарующие глаза и брызги крови врагов на коже.

Покраснев, Чэнь Жун подумал про себя: "Почему я такой упрямый? После сегодняшнего дня завтра может и не наступить… Мне следует уступить его желанию."

Подумав так, он встал.

Увидев, прекрасную фигуру Чэнь Жуна, мужчина тихо рассмеялся. Ведь он, как мальчишка не единожды подглядывал за тем в лагере.

Его смех смутил Чэнь Жуна. А когда он уже собирался отчитать его, снаружи послышались шаги, а также Голос Сунь Яня издалека:

— А Жун, А Жун.

Пришел Сунь Янь?

Чэнь Жун бросил поспешный взгляд в сторону генерала. Тот, за ширмой, лениво прислонился к ванне, произнес:

— В такое время, цинцин, посторонних лучше не видеть.

— В какое "такое время"?! — пристально посмотрел он на него покраснев и топнув ногой.

Несмотря на свои слова, он знал, что ему будет слишком неловко видеть Сунь Яня в нынешних обстоятельствах.

К этому времени его шаги уже раздавались за дверью. Чэнь Жун слышал, как Ин'гу приветствовала его:

— Да это же молодой мастер дома Сунь. Наш Цзышуе уже лег спать.

— Лег спать? — застыл Сунь Янь. — Почему он лег так рано, когда сегодня на Западной Улице праздник фонарей?

— Прошу прощения, он действительно лег спать, — сообщила Матушка Пин, а Ин'гу добавила. — По возвращению, цзышуе очень весело улыбался и сказал, что устал после дневной прогулки, но потом прибыли паломники, потребовавшие его внимания. И Цзышуе вот только смог отправиться на отдых

— Почему он спит так рано, когда луна такая яркая? — вздохнул Сунь Янь, помолчав. —Ну не важно, — сказав это, он повернулся и вышел.

Снаружи восстановится покой.

За перегородкой раздался плеск воды. Услышав это, Чэнь Жун позвал:

— Нянюшка, Ин"гу, принесите еще горячей воды.

Они находились недалеко, потому сразу откликнулись на просьбу.

— Почему ты не идешь, цинцин? — раздался вскоре угрюмый голос, из-за ширмы. — О чем ты только думаешь?

Чэнь Жун подумал о Сунь Яне. Но, услышав его, он рассмеялся. В это время раздался стук в дверь и голос Ин'гу произнес:

— Здесь горячая вода.

— Оставь там.

— Да.

Чэнь Жун открыл дверь и внес ведро внутрь. Он был уже тренирован, потому с легкостью нес воду, ведро которой обычно приносили двое крепких мужчин.

— Отступи немного, — произнес он, приблизившись к ширме.

Тот сделал, как ему было велено, и отступил в угол.

Чэнь Жун поднял ведро и вылил его в фурако, все это время он глядел в стену перед собой, не смея взглянуть на обнаженного мужчину.

В этот момент к нему подкралось тепло.

Когда его влажная и теплая кожа коснулась, рука Чэнь Жуна задрожала, его румянец распространился на шею.

— Не прикасайся ко мне, — приказал он.

Он схватил юношу за руку и потащил к фурако.

Застигнутый врасплох, он не удержался и начал заваливаться вперед. Попытавшись ухватиться за него, чтобы не упасть, он вцепился в скользкое тело.

В панике он поспешно отпустил руку, но в результате потерял равновесие и упал в воду.

Как только он упал в воду, мужчина расхохотался. Он обнял его за талию и потащил в к себе. Чэнь Жун сопротивлялся бы, но по двум причинам: он соприкасался только со скользкой

обнаженной кожей и боялся применить силу к больному человеку.

В мгновение ока он оказался втиснутым в тесное пространство рядом с ним. Брызги воды пропитали его волосы и одежду, которая прилипла к телу.

Вода стекала с его лба, закрывая обзор. Его покрасневшее лицо и то, как он старался держать глаза открытыми, было очень очаровательно, добавляя милоты.Бунтующий флер старался подчинить и прибрать сильного мага помимо желания своего хозяина. Это было на уровне инстинктов.

Жань Минь посмотрел на него и вдруг раскрыл свои обнаженные руки, чтобы обнять.

— А Жун, останься со мной, — прошептал он, крепко обнимая, его тон, был совершенно серьезен, — А Жун, — дрожащим голосом взмолился он, — давай спать в одной постели и умрем в одной могиле.

Никогда еще Чэнь Жун не чувствовал его желания и надежды так остро, как сейчас. Задрожав, он крепко его обнял, и хотел что-то сказать. Однако в итоге произнес смиренным тоном:

— После того, как я стану твоим супругом, я буду не единственным, кто разделит с тобой постель. Когда я буду умирать, мне придется просить у твоей семьи и более родовитых жен разрешения быть похороненным в одной могиле с тобой… Господин, я не из тех, кто может пойти на компромисс. В этой жизни я не склонюсь перед соперником.

Эти слова были так же спокойны и непреклонны, как и прежде.

Генерал медленно его отпустил.

— Потри мне спину, — хрипло произнес он, отворачиваясь, этот голос уже отличался от прежнего, будто принадлежал другому человеку, похоже, он пришел в себя, протрезвев.

Мягко откликнувшись, Чэн Жун начал тереть ему спину, осторожно касаясь его исчерченной старыми и свежими шрамами кожи.

Моя его, он не удержался и, наклонившись, нежно поцеловал его в лопатку где походил самый серьезный рубец. Его поцелуй растворился в воде и не оставил никаких следов.

— Цинцин, твое сердце все равно ожесточилось, зачем ты утруждаешь себя этим банальным поступком? Ты хочешь успокоить меня своим поцелуем?

Чэнь Жун молча покачал головой, но он он не мог это увидеть, так и не сказав ни слова.

— Вода стынет, выходи, — сказал он, выйдя за ширму, и повернувшись к нему спиной, начал переодеваться.

На этот раз мужчина встал и раздался звук шуршащей ткани.

Вскоре он повернулся и направился к двери.

— На улице ветренно, — поспешно схватил и дернул Чэнь Жун его за рукав.

Мужчина поджал губы, но в конце концов не стал возражать против того, чтобы он привел его обратно.

Усадив его на кровать, Чэнь Жун взял полотенце и с улыбкой вытер ему волосы, говоря:

— Это место очень скромное. Здесь нет амбры или нефритовой подушки. Не уверен, что тебе такое понравится.

Его смех был легким и чистым, будто ничего не случилось.

Мужчина не обратил на это никакого внимания.

Он привык и к более скромным условиям. Какая там амбра в походах? Порой приходилось спать на голой земле, подложив под голову седло и укрывшись плащом.

Чэнь Жун снова тщательно вытер волосы полотенцем. Глядя на этого мужчину, совершенно не похожего на себя самого, он медленно наклонился.

Он опустился на колени рядом с ним и приблизил свое лицо к его лицу. Глядя на их соприкасающиеся лица в бронзовом зеркале, Чэнь Жун мягко спросил:

— Жань Минь, ты дашь мне прядь твоих волос?

Его губы спрашивали разрешения, но рука уже схватила ножницы.

Глядя на милого маленького даннэ позади него в тусклом зеркале, благоговейно и нежно держащего в ладони прядь его волос, Император, поджав губы, закрыл глаза.

Когда он закрыл глаза, вся хрупкость, капризность и оцепенение прошедшего дня исчезли с его лица.

Он вернулся к своему старому себе.

Но Чэнь Жун этого не заметил.

Губы мужчины шевельнулись, и в комнате послышался его спокойный голос:

— Даже после того, как ты постираешь мою испачканную кровью одежду, чтобы положить ее на подушку, даже когда ты подстрижешь мои волосы, чтобы они оставались при тебе, ты все равно не станешь моим Супругом?

Его горло дрогнуло и, наконец, он тяжело вздохнул.

— Как может существовать настолько упрямый даннэ?

Чэнь Жун на это промолчал. Он только опустил голову и сосредоточился на сушке его длинных волос, прядь за прядью.

После того, как его волосы высохли, Жань Минь взглянул в бронзовое зеркало на юношу, осторожно укладывающего его волосы в свой саше, и тихо произнес:

— Уже поздно, пойдем спать.

Вставая, его волосы ниспадали как обычно диким каскадом, а наброшенный ханьфу колыхался, когда он неторопливо шел к единственной кровати в комнате.

— Иди спать, не стану тебя беспокоить.

Видя, что Чэнь Жун не двигается, он закрыл глаза и тихо сказал:

— У меня уже нет брюшного тифа.

Эти слова заставили Чэнь Жуна вскинуть голову.

— Иди сюда, завтра я вернусь в лагерь. Неизвестно, когда нам удастся повидаться вновь и при каких обстоятельствах это будет.

При этих словах, сердце Чэнь Жуна сжалось. И в прошлой и в этой жизни этот человек не знал семейного тепла, впрочем, как и он сам. Но А Жунь дала ему знание этого. Он послушно подошел и лег рядом с ним. Он тихо прильнул к нему, уткнувшись лицом ему в грудь.

Лежа совершенно неподвижно, он вдыхал его запах и слушал биение его сердца.

Мужчина тоже не шевелился. Его глаза оставались закрыты, казалось, он спал.

Время медленно утекало.

Его колотившееся сердце постепенно успокоилось.

Сердцебиение генерала всегда оставалось твердым и ровным.

Чэнь Жун по-прежнему бодрствовал. Он уставился на белую ткань нижнего белья у себя под носом, ощущая ее тепло и аромат….

Неизвестно сколько времени спустя, но наконец он закрыл глаза и заснул.

Когда он проснулся в следующий раз, то услышал щебет птиц. Открыв глаза, он ощупал сбоку от себя.

Однако там оказалась только холодная пустота.

Удивленный, он быстро огляделся.

Здесь никого.

Вчерашний день и ночь определенно не сон. Чэнь Жун надел деревянную обувь и вышел на террасу коридор, соединяющий покои. Он открыл дверь и увидел слугу, подметавшего листья во внутреннем дворе. Он подошел к нему и спросил:

— Где мой гость?

Слуга относился к лечащимся гвардейцам и выполнял посильное послушание. Он церемонно приветствовал Чэнь Жуна и почтительно ответил:

— Он ушел рано утром, господин.

— Как?

— За ним пришли дворцовые гвардейцы и они спустились на лифте.

Это так? Что может быть нужно от генерала императору?

Издав мягкий звук, он неторопливо отошел.

Он подошел к горной террасе слева от храма, где, взявшись за каменные перила,окинул взглядом пейзаж. Цзянькан внизу в отдалении казался совершенно пустынным.... Он огляделся только для того, чтобы не найти знакомую фигуру.

Поджав губы, Чэнь Жун повернулся, и долгое время оставался неподвижным.

Ранним утром по городу катил черный моцзюй. Его катящиеся колеса издавали тоскливый звук на каменной мостовой.

За управлением сидел крупный диковатый мужчина лет тридцати. Рослые воины образовали по два ряда всадников с каждой стороны.

Среди этих людей выделялся худой ученый лет сорока.

— Господин мудр, — прошептал он, приблизившись к экипажу. — Вчера действительно приходило пятеро людей.

— Не только они, — ответил из кареты спокойный голос Жань Миня. — Любое другое движение должно быть замечено.

— Да.

— Наследный принц и император оба заболели, — добавил ученый, поглаживая бороду. — Интересно, сколько людей прыгают от радости при этой новости, ха-ха. И сколько аристократов уже знают правду и пытаются сделать свой шаг. — Он улыбнулся . — Почему Вы не проболели еще несколько дней, мой господин? Я уверен, что это бы привлекло больше людей.

— В этом нет необходимости, — голос генерала, доносившийся из экипажа, заледенел. — Если я продолжу болеть, то боюсь, что те, кто рядом со мной, тоже отдалились бы от меня. Дворец следует постоянно держать под контролем

При этих словах ученый сделал паузу, а затем кивнул. Верно, деньги объединяют этот мир и разрывают его на части. Если это затянется, он боялся, что те, кто принадлежал его господину, начнут менять свое мнение.

Сказав еще несколько слов, он посмотрел в экипаж на своего господина и внезапно ухмыльнулся.

— Ваше желание исполнилось, мой господин? — он подмигнул, его голос звучал искренне, но в то же время весело. — Когда Вы вчера отправились в храм, я помню, что Вы сказали, что

используете обычную простуду, чтобы симулировать брюшной тиф, сумев таким образом прицелиться в нескольких птиц одной стрелой…. По крайней мере, его сердце смягчится. Могу ли я спросить, почувствовал ли он, что жизнь и смерть непредсказуемы, поэтому перестал упрямиться и согласился войти в Ваш дом?

Его улыбка действительно отвратительна.

Переглядывающиеся стражники подавляли смех, но продолжали смотреть вперед, опасаясь разозлить своего господина.

Находившийся в экипаже внезапно и правда ответил, с кривой улыбкой на губах:

— Почувствовал, что жизнь и смерть непредсказуемы? Перестал упрямиться? Он обрадовался, узнав, что я подхватил брюшной тиф.

Все повернули головы и посмотрели в сторону экипажа.

К их удивлению, голос императора был полон беспомощности, когда он добавил:

— Он с радостью ответил, что если бы он и я могли умереть вот так, то это был бы наш счастливый конец.

Сначала они молчали, а потом их сдержанный смех становился все громче и громче.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/1285/36266